

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН

ГЕРМЕНЕВТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 16—17

Ответственный редактор
М. В. Первушин

МОСКВА
2014

УДК 801.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г37

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
проект № 13-04-00099

Экспертный совет:

*И. Н. Данилевский, А. С. Демин,
И. Г. Добродомов, Ф. С. Капица, В. М. Кириллин*

Г37 Герменевтика древнерусской литературы : Сборник 16—17 / Российская академия наук: Ин-т мировой литературы РАН ; Отв. ред. М. В. Первушин. — М., 2014. — 1216 с.

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-91366-794-6

Книга является собранием монографий и статей, посвященных русской истории, литературе, искусству, общественной мысли XI—XVIII вв. Основу сборника составляют работы сотрудников отдела древнеславянских литератур ИМЛИ им. А. М. Горького РАН и участников семинара Общества исследователей Древней Руси, представляющие различные научные школы и направления.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

© Авторы, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИИ

Дорофеева Л. Г.

Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — первая треть XVII века)

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1. Проблема человека: Некоторые вопросы истории и теории</i>	33
1.1. К истории изучения проблемы человека в советской медиевистике	33
1.2. Агиография: теоретический аспект и основные категории ..	43
<i>Глава 2. Образ смиренного человека в переводной агиографии</i>	68
2.1. Переводная агиография в литературе Древней Руси: место и значение	68
2.2. Жития-мартирии: к типологии образа смиренного человека	78
2.3. «Подобные Богу». Образ смиренного человека в житиях преподобных	118
2.4. «Божьи люди». Образ смирения в житиях юродивых	146
2.5. «Правило веры и образ кротости». Образ святителя Николая	182
<i>Глава 3. Идеал человека в русской агиографии XI — первой трети XVII в.</i>	191
3.1. Формирование идеального образа человека в древнерусской словесности (XI—XII вв.)	196
3.2. Княжеские жития: типология смиренного героя	225
3.3. Образ смиренного человека в монашеских житиях XI—XVI вв.	267
3.4. Образ смиренной жены в литературе Древней Руси XVI — первой трети XVII в. и процессы обмирщения: к проблеме каноничности	340
<i>Заключение</i>	351
<i>Список сокращений</i>	360
<i>Библиография</i>	360

Иванайнен О. В.

**«Азь» летописца в «Повести временных лет»,
его варианты и способы выражения**

<i>Введение</i>	389
<i>Глава 1. Летописец – очевидец</i>	394
1. Прямые сообщения автора о себе	394
2. Летописец – очевидец, участник событий	397
3. Информаторы летописца	408
4. Летописец – возможный очевидец, участник событий ..	412
5. Знамена как свидетельства очевидца	420
<i>Глава 2. Летописец – комментатор</i>	426
1. Комментирование событий	426
2. Комментирование персон	443
3. Комментирование явлений	504
<i>Глава 3. Словесные приметы летописца</i>	518
1. Авторские ремарки	518
2. Цитации	528
3. Авторские пояснения	531
<i>Заключение</i>	535
<i>Примечания</i>	542

Демин А. С.

**Материалы для монографии
о художественной эволюции древнерусской литературы**

<i>Часть 1. Тематика</i>	583
1. Предсказания в древнерусской литературе	583
2. «Зверскость» злодеев в древнерусской литературе	606
3. «Картинки» окружающей среды и причины их формирования в древнерусских произведениях XII—XIII вв.	618
<i>Часть 2. Формы</i>	635
4. Летописные концовки и умонастроения летописцев XI—XVI вв.	635
5. Литературные циклы в «Лаврентьевской летописи» и в летописях XII—XIII вв.	649
6. Из истории литературных циклов в XVI—XVII вв.	667
<i>Часть 3. Средства</i>	679
7. «Опредмечивание» абстрактных понятий и поэтика превращений в древнерусских произведениях XI—XII вв. ..	679

СТАТЬИ

<i>Ужанков А. Н.</i> К проблеме исторической поэтики древнерусской литературы	693
<i>Добродомов И. Г.</i> Источниковедение и история слова	748
<i>Первушин М. В.</i> Образ еретика в русской полемической литературе XI–XVII веков	782
<i>Менделеева Д. С.</i> Тема «святой земли» и «второго Иерусалима» в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона	791
<i>Пауткин А. А.</i> Повесть об ослеплении Василька Теревовльского: культурно-исторический контекст и структура летописной статьи 6605 года	797
<i>Трофимова Н. В.</i> «Тако ли мнѣ части нѣкѣту в Руской земли?» Из истории летописной повести о междоусобной войне 1149 года	828
<i>Шайкин А. А.</i> Плоть и тело в их соотношениях с душой в ранних древнерусских текстах	840
<i>Ужанков А. Н.</i> К интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве»	850
<i>Максимов В. И.</i> Стугна и Днепр или История утопления юного князя Ростислава, брата Мономахова (по тексту «Слова о полку Игореве»)	886
<i>Максимов В. И.</i> «ДухЪ южны» и «час осмы» в «Сказании о Мамаевом побоище» — мистика или реальность? (Заметки о диспозиции войск и ходе сражения на поле Куликовом)	898
<i>Максимов В. И.</i> О «полонянных вестях» в «Задонщине»	926
<i>Первушин М. В.</i> Сравнительная героика: праведный Авраам и благоверный Дмитрий	934
<i>Первушин М. В.</i> «Смиренного инока Фомы слово похвальное»: автор и его герой	948
<i>Кириллин В. М.</i> Панегирическое наследие Пахомия Логофета	962
<i>Джиджора Е. В.</i> Композиционные формы изложения в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова	1021
<i>Чинякова Г. П.</i> К вопросу о сложении иконографии русского лицевого Апокалипсиса	1032
<i>Туфанова О. А.</i> Мотив «Содома и Гомора оставшую главню...» в «Так называемом ином сказании»	1065

<i>Менделеева Д. С.</i> Родословие праведного Иова и мотив «поганого рода» в сочинениях протопопа Аввакума	1086
<i>Менделеева Д. С.</i> Святоотеческая символика в творчестве протопопа Аввакума (образные переключки в сочинениях протопопа Аввакума и св. Иоанна Златоуста)	1094
<i>Дальберг Е.</i> Новолатинская поэзия Швеции периода Северной войны на примере стихов Магнуса Рённу	1101
<i>Люстров М. Ю.</i> Датские и русские победословия эпохи Северной войны	1120
<i>Жигалов А. Ю.</i> Легенда об апостоле Андрее в трудах А. Д. Седельникова	1125

ЮБИЛЕЙ

<i>Конявская Е. Л.</i> Владимир Михайлович Кириллин: к юбилею	1141
Список научных работ доктора филологических наук <i>В. М. Кириллина</i>	1145

БИБЛИОГРАФИЯ

Список научных работ доктора филологических наук <i>Л. И. Сазоновой</i>	1165
---	------

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Конявская Е. Л.</i> Иван Васильевич Лёвочкин: памяти ученого	1189
Список научных работ доктора филологических наук <i>И. В. Лёвочкина</i> /подг. <i>М. С. Крутовой</i>	1191

Е. В. Джиджора (Одесса)

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИЗЛОЖЕНИЯ
В ШЕСТОДНЕВЕ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО
И ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОГРАФИИ
КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА**

Средневековые так называемые «естественнонаучные» сочинения составляют, как известно, отдельную группу разъяснительных произведений, рассчитанных на хорошо образованную и осведомленную аудиторию верующих интеллектуалов, ищущих богословско-философского обоснования различным процессам, протекающим в природе. При этом рассуждения о строении мироздания и об особенностях существования животного и растительного миров носят церковно-догматический и потому нравственно-воспитательный характер. А поскольку средневековые мыслители воспринимают действительность как «символическое выражение трансцендентного замысла», образно явленное «отображение религиозной идеи»¹, природные явления не столько описываются такими, какими они есть, сколько истолковываются как завуалированные воплощения сокровенных смыслов христианского вероучения.

Примером таких сочинений выступают, прежде всего, **Шестодневы** — пространные экзегетические комментарии к первым главам ветхозаветного Бытия, в которых повествуется о создании Вселенной за шесть дней. Как полагают историки, популярное разъяснение этапов божественного творчества вошло в круг интересов христианских проповедников ещё с апостольских времен. А с III в. Шестоднев становится излюбленным жанром учителей Церкви, стремящихся соотнести накопленные к тому времени природоведческие знания с устоявшимися христианскими догматами².

Среди множества Шестодневов, известных в византийской литературе, древнерусскими книжниками были переведены комментарии св. Василия Великого, Севериана Габальского, Георгия Писидийского, а также Иоанна Экзарха Болгарского³. Шестоднев последнего, составленный, по всей видимости, в начале X ст. в окружении учеников Кирилла и Мефодия, представляет собой масштабную компиляцию, во-первых, предшествующих Шестодневов (в первую очередь, сочинения св. Василия Великого), во-вторых, богословских

размышлений авторитетных отцов и учителей Церкви (св. Григория Богослова, св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Дамаскина и др.), а, в-третьих, философских трактатов некоторых античных мыслителей. А потому памятник Иоанна Экзарха Болгарского ученые по праву считают самым показательным системным обобщением не только святоотеческой традиции толкования событий первых шести дней сотворения мира, но и опыта древнегреческих философов в изучении основных процессов в природе⁴.

Другим интересным примером «естественнонаучных» измышлений является **Христианская Топография**, сочиненная Козьмой Индикопловом, сначала торговцем-путешественником, а затем мыслителем, принявшим христианство и поселившимся в одном из синайских монастырей. Как приверженец антиохийского богословия, Козьма написал теологический и в то же время остро полемический трактат против своих непримиримых идейных оппонентов — сторонников сферической концепции Земли⁵. Исследователи считают, что эта работа была осуществлена приблизительно в 545—547 гг.

Несмотря на откровенно негативные отзывы авторитетных богословов (например, греческого патриарха Фотия⁶, раскритиковавшего сочинение Козьмы), Христианская Топография, как и Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, имела своих почитателей в Древней Руси. Об этом свидетельствует количество сохранившихся списков полного текста и его отрывков — более пятидесяти. В то же время, невыясненным остается вопрос о том, когда впервые появился славянский перевод произведения. Рассмотрев ряд интерполяций в Начальной Русской летописи и Толковой Палее, Е. Пиотровская допускает, что «время перевода полного текста или отрывков сочинения может быть обозначено концом XI — началом XIII ст.»⁷. Если это предположение верно, то вырисовывается удивительная картина: в первые века после принятия христианства древнерусские «любомудры» в одинаковой степени интересовались прямо противоположными теориями устройства мира, выведенными, с одной стороны, в традиционных космологиях Шестодневов, с другой, — в альтернативно геофизической Топографии⁸.

По справедливому утверждению З. Удальцовой, сочинение Козьмы очень своеобразно, его не просто классифицировать по жанровым или каким-либо формально-содержательным признакам⁹. Двенадцать Слов, из которых состоит памятник, одновременно посвящены опровержению сферического устройства Земли, характеристике некоторых процессов в природе, описанию отдаленных экзотических стран (Эфиопии, Индии и др.), а также комментированию событий Священной Истории, воссозданных в библейских книгах.

Идейно столь различные, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского и Христианскую Топографию Козьмы Индикоплова объединяют, с одной стороны, природоведческие задачи и религиозно-назидательная основа замысла, а, с другой, — некоторые структурные компоненты произведения, в частности, композиционные формы изложения.

Рассмотрение особенностей литературного изложения в тематически родственных, но концептуально противопоставленных памятниках и составляет цель нашей статьи.

Композиция средневековых «природоведческих» сочинений до сих пор не являлась предметом специального изучения в медиевистике. Хотя некоторые попытки и предпринимались. Например, С. Якуниным, составившим комментарии к публикации нескольких фрагментов Шестоднева¹⁰. Правда, комментатор сводит композицию только лишь к перечислению сюжетных тем, нанизываемых в Прологе и I Слове произведения. Однако определение форм изложения, употребленных компилятором (ученый различает «толкование», «формулирование» идей, «выражение удивления» и пр.), не носят системный характер и потому считаются исчерпывающим осмыслением композиционного состава Шестоднева, явно, не могут.

А вышеупомянутая книга Е. Пиотровской о Христианской Топографии посвящена, в целом, таким проблемам, как: история известных списков и редакций памятника, время и место его перевода на славянский язык, роль отдельных фрагментов в древнерусской литературной традиции и т. д. Вместе с тем, исследовательница касается и незначительного аспекта построения текста, выявляя пространственные отступления и добавления, которые славянские переводчики привнесли в оригинал¹¹.

Думается, медиевистам ещё предстоит провести масштабные наблюдения над особенностями организации средневековых «природоведческих» сочинений. Между тем, весьма перспективные суждения итальянского слависта Риккардо Пиккио о пропорциональном соотношении рассуждения (*oratio*) и повествования (*narratio*), при котором одна из форм изложения выполняет основную композиционную функцию в литературном произведении, а другая — служебную, «пассивную»¹², уже сейчас позволяют установить ряд отличительных закономерностей внешней организации указанных памятников. Своеобразие же композиции, наряду с выражением авторской субъективности¹³, дает возможность частично прояснить вопрос об их жанровой природе.

В Шестодневе Иоанн Экзарх Болгарский, следуя экзегетической традиции христианских богословов (прежде всего, св. Василия Вели-

кого, на мысли которого компилятор опирается в наибольшей степени), поочередно прибегает то к описательному повествованию, то к рассуждению. При этом описание выступает генерирующей композиционной формой изложения, а различные виды рассуждения — вспомогательными. С их помощью автор выражает свои многочисленные поучения и полемические выпады против идейных оппонентов.

Комментатор описывает стадии космогенеза, придерживаясь классической толковательной схемы «цитата — разъяснение». Сначала книжник приводит то или иное библейское высказывание, в котором передается картина божественного творения. Затем своими словами детально описывает, что именно, каким образом, при каких обстоятельствах возникало в течение первых шести дней возведения мира, какие при этом проявились особенности и характерные свойства.

Скажем, в начале V Слова, целиком посвященного зарождению живых организмов, автор приводит отрывок из I главы Бытия, в котором речь идет о создании животных: «Рече оубо: Да изведоуть воды пллжущая душа живь по родоу, и птица парящая по твердѣ небеснѣй по роду»¹⁴. Ниже, в качестве наглядной иллюстрации обозначенного процесса, Иоанн подробно описывает, как проходило отделение суши от воды, как постепенно появлялись первые животные в воде, а потом на суше, какие образовались классы животных и растений, чем конкретно отличаются обитатели морских глубин от наземной популяции и пр.

Заканчивается данное описание следующим утверждением: «Того дѣля еже есть несовершенство, то же преже сотвори. Таче потомъ изводит и земля съвершеньхъ съставъ на двое же пакы разлоучаемо. Да еже Ѹ воды бываеть то же. Ся преже ражаеть того, иже по небеси парить, инако бо тѣло сего, инако же много и различно дебелѣиши бо и черствѣиши вода тѣнѣй же и проЗрачнѣ въЗдохъ. Да Ѹ того различни животи соуть»¹⁵. Экзегет вводит зоологический критерий отличия: более простые по составу водные животные зарождаются раньше, а более сложные, способные парить в воздухе, — позже. Таким образом, довольно объемное разъяснение библейской цитаты приобретает форму своеобразного природоведческого трактата.

А поскольку аналогичное воплощение описательного повествования прослеживается на протяжении всех шести Слов памятника, можно заключить, что структурным принципом *narratio* в Шестодневье является тщательное толкование ключевых высказываний из Св. Писания. Сама же цитата при этом выполняет важную композиционную функцию — связывает «природоведческие трактаты» в единую религиозно-философскую картину космогенеза.

Кроме описания, Иоанн прибегает и к рассуждению, искусно маневрируя между двумя его видами — поучительным и полемическим размышлениями. Данные виды рассуждения продуцированы авторским пафосом, явно эксплицированным в Шестодневе, ведь богослов и проповедует аудитории христианское мировоззрение, и поучает её благочестивой жизни, и опровергает религиозные доктрины оппонентов.

Поучительное рассуждение, обычно усиленное такими императивами, как «слушай!», «следуй этому!», «думай так!», строится по схеме «тезис — иллюстрация». В начале каждого такого «духовно-воспитательного» отступления автор формулирует вероучительное наставление — какие именно ценности надлежит исповедовать, как вести себя, кому подражать делами и побуждениями, а кого сторониться. А далее, для наглядного подтверждения сказанного, приводится пример-наблюдение, раскрывающий выведенное поучение преимущественно символическим образом.

Например, рассуждая о повадках рыб в том же V Слове сочинения, Иоанн стыдит человека в том, что ему слишком свойственно крайне безответственное, по сравнению с рыбами, отношение к собственной жизни. Тезис «оны бо вѣдять что имь есть подоба творити в преднѣмь годѣ, а мы о приходящимь годѣ хоудѣ радяще, сладьми скотьими жизнь свою погибьяемь» укрепляется восторженной похвалой старательности рыб, которые в течение всей жизни непрерывно ищут наилучшего водного обиталища и ради него преодолевают огромные расстояния: «Рыба толики преходить ширины морьская хотяще обрѣсти еже и на пользу. А ты что речеши въ празни тако живы?»¹⁶. Итак, на примере рыб Иоанн Экзарх проповедует активное трудолюбие и твердую настойчивость как необходимые условия человеческой жизнедеятельности.

А полемическое рассуждение, которым автор откровенно вызывает своих потенциальных собеседников на дискуссию, построено по другой схеме — «тезис — антитезис». Для начала полемист приводит утверждение оппонентов, а затем опровергает его «правильным» суждением, усиленным развернутой аргументацией. Так, в одном из типичных отступлений книжник инициирует догматическое противостояние с еретиками по вопросу о происхождении Бога-Сына от Бога-Отца. При этом первым делом формулируется мнение оппонентов, не признающих «единородность» Божьего Первенца: «Аще бо Первѣнецъ всея твари, то нѣсть Единочадѣ, аще ли Единочадѣ, то нѣсть Первѣнецъ. Первѣнецъ бо аще братию имать, то Первѣнецъ наречетъся, а Единочадыи аще братию имать, то Единочадѣ нѣсть»¹⁷.

С точки зрения еретиков, христиане проповедуют очевидное противоречие: первенец не может называться единоутробным, поскольку указывает на то, что за ним последовал второй, третий и более братьев. Если же одного из них назвать «единородным», то тем самым сказать, что он — один сын. Только при таких обстоятельствах его можно считать «первенцем».

Выведенное оппонентами взаимоисключение понятий Иоанн отрицает суждением, которое становится антитезисом их формулы: «Но Единочадый вбычай есть Писания глаголати, иже ся единъ нѣ Ѹ кого родить, яко же положихомъ сказающе. А и смотри по истинѣ, имь же яко же глаголахомъ. Аще Первѣнецъ братиа не имать, то Первѣнецъ нѣсть, а Единочадый аще братию имать, то Единочады нѣсть»¹⁸. Внимательный экзегет апеллирует к библейской традиции, в которой принято всякого единственного в рождении называть «единородным». Само собой разумеется, что такой «единородный» может считаться и «первенцем». Поэтому в глазах Иоанна рассуждение еретиков выглядит несостоятельно.

В данном случае обоснование антитезиса выступает опровержением идеи еретиков и доказательством позиции христианских исповедников. В целом же, виды рассуждения в Шестодневе являются обязательным дополнением основного описательного повествования. Они придают природоведческим комментариям-толкованиям богослова черты полемического трактата и пасторской проповеди. В результате таких жанровых наслоений автор решает сразу несколько литературно-публицистических задач — эстетизирует Вселенную и прославляет её всемогущего Творца, описывает более-менее важные закономерности функционирования различных процессов и явлений природы, дискутирует с идейными оппонентами и, что при этом самое интересное, ещё и проповедует христианское благочестие.

В Топографии Козьма Индикоплов, как и Иоанн Экзарх Болгарский, использует описательное повествование и некоторые виды рассуждения. Примечательно, что ближневосточный книжник стремится самостоятельно определить примененную им стратегию наррации и потому, кроме заглавия, в разных местах произведения называет реализованную им манеру высказывания то «мѣстописание», то «исписание». Однако, несмотря на такое авторское представление, не описание, а как раз рассуждение выступает, по нашему убеждению, главенствующей формой изложения в Топографии. Разновидности же описания, так же, как поучительные и полемические измышления в Шестодневе, являются вспомогательными способами, с помощью которых «местописатель» наглядно иллюстрирует свои богословско-

догматические суждения. Таким образом, можно констатировать структурное отличие между двумя рассматриваемыми сочинениями, по крайней мере, по части выбора магистральной формы изложения.

Среди видов рассуждения, задействованных в Топографии, наиболее ярким предстает, пожалуй, полемический. Как и в Шестодневе, полемика строится по схеме «тезис — антитезис». Сначала автор сообщает мнение оппонентов, а затем безжалостно громит его, иногда с помощью едких, оскорбительных инвектив.

Например, в «онтологических» главах Козьма опротестовывает хорошо известное учение античных мыслителей о двояких качествах четырех стихий. Перед опровержением, как и полагается, полемист приводит «лжемудрую» точку зрения «язычников»: «Рекуще земля, соухо и студено есть, вода же студено и мокро, и въздух мокро и тепло, вгнь тепло и сухо». Далее с помощью нелицеприятных оценок высказывает недоумение, почему в стихиях рассмотрено только два качества, ведь логичнее было бы охарактеризовать их относительно всех четырех: «Когда же творения вся в коемъждо стихии глаголють бытии, пакы оубо надлежать противоу своим словесемь, коегождо четьрь стихии четьверако, не намѣняюще»¹⁹. Видимое противоречие, найденное Индикопловом в концепции оппонентов, служит основанием для выдвижения собственной позиции. В данном случае антитезис образуется вследствие критического осмысления тезиса — «неправильной» позиции идейных противников.

Полемический вид рассуждения является наиболее экспрессивным в остро дискуссионном сочинении Козьмы. По пафосному эмоциональному наполнению он заметно превосходит утвердительное рассуждение, непосредственно вытекающее из полемического и построенное уже по другой схеме — «суждение — цитата».

Стоит отметить, что в отличие от Иоанна Экзарха Болгарского, который всегда укрепляет библейские высказывания своими природоведческими наблюдениями, Индикоплов поступает наоборот. Сначала он формулирует некое богословско-догматическое положение, а затем подбирает под него соответствующие библейские выражения.

Так, размышляя над первыми словами книги Бытия, автор Топографии утверждает следующее: «Полагаемь оубо нынѣ, небо вкупи и землю, вбѣимателя всѣх соуща, яко имуща вся вноутрь себѣ»²⁰. Суждение, в котором заверяется, что Бог создал землю и по всей длине накрыл её небом, ниже дополняют несколько десятков неточных (пересказанных близко к тексту) цитат из разных ветхозаветных книг — Бытия, Псалтыри, пророчеств Осии, Исайи, Иеремии и Даниила. Уплотняя выдвинутую мысль библейскими фразами типа «въ шесть

днии сътвори Богъ небо и землю, и вся яже соуть в нею» или «и съвършися небо и земля, и вся красота ею»²¹, Козьма Индикоплов придает авторитетности отстаиваемой им идее комароподобного небесного свода, соединенного своими концами с землей. Утвердительное рассуждение, таким образом, состоит из основного тезиса (мысли самого автора) и «укрепительного» материала (многочисленных и однотипных по смыслу цитат из Св. Писания).

И все же довольно часто непримиримый и категоричный полемист прерывает свои размышления, прибегая к повествовательному описанию. В сочинении четко выделены несколько его видов — зарисовка местности и этноментальная характеристика населения определенного края.

Автор Топографии изображает некую местность в том случае, если это логично вытекает из контекста предыдущих рассуждений. Скажем, после вероучительных измышлений о расположении рая, подытоженных афоризмом «аще бы раи быть на сеи земли, не лһнилися быша мнози дойти даже и до него; ибо шелку потребы худы ради не лһнятся ити, како убо видһниа ради того рая лһнилися быша ходити»²², Козьма подробно описывает «далекие земли», находящиеся на вышеупомянутом «шелковом пути», — Персию, Индию, Эфиопию и др.

В таких описаниях Индикоплов касается преимущественно географического месторасположения той или иной страны: «Не отстоит бо от Варвария Омирит морю преполовящо шествование; деньма двема по морю идһже к тому за тһм окиань есть, нарицаемо тамо Ситион, глаголема же Сасу. И та близ есть окиана, иже и ливаносная земля близь есть окиана съ инһм всһмь и злато много имущи, рекше руду златую»²³. Воссоздавая историко-геофизические образы конкретных территорий, автор Топографии следует, очевидно, античной историографической традиции, установленной ещё Геродотом в его «Истории» и поддержанной несколькими поколениями древнегреческих и древнеримских историографов.

А с помощью этноментальной характеристики жителей Козьма очерчивает отличительные особенности какой-нибудь местности. Так, перечисляя народности, проживающие возле «великого океана»²⁴, Индикоплов заостряет внимание читателей на богатой драгоценностями Сасе. Как любознательный путешественник, он отмечает интересную особенность в поведении коренного населения — его удивляет распространенный среди них принцип обмена золота на привезенные для них товары.

У местных «туземцев», как называет их автор Топографии, заведено класть золото на ту вещь, которую они желают приобрести, и отходить в сторону. Через некоторое время они возвращаются и, если хозяин забрал золото, тоже уносят приобретенное. Если же нет, тогда добавляют ещё золота и снова отходят, ожидая решения продавца: «Приходять же они тоземци, носяща злато яко рублевием и полагает ли единъ рубль, ли два, ли боле и уже на часть улюбит, ли на соли, ли на желъзи и стоит кроми; приближается господинь говяда, да еще будет ему годно, то възмет злато, и пришедь онъ видит, яко не възьл, ли приложит, ли въземъ злато свое отидеть, такова есть купля тамо, понеже иноязычници суть и тлькования отнудь не вѣдят»²⁵. Повествователь (в данных фрагментах текста его можно так обозначить) усматривает причину столь странного поведения «туземцев» в языковом барьере. При этом, описывая обычаи жителей Сасы, он вместе с тем указывает и на важную черту их ментальности — весьма доверительное отношение к чужеземным торговцам.

Выходит, «мѣстописание» выполняет функцию дополнения, тогда как рассуждение — генерального смыслообразования. А потому, несмотря на маркированное название, основная идейная направленность произведения кроется в полемике с противниками шатерообразной формы земли, а не собственно в топографическом описании особенностей устройства мира, включая и месторасположение отдельных стран.

Исходя из этого, можно сделать несколько предположений относительно жанровой природы памятника. По всей видимости, Козьма Индикоплов является автором остро обличительного трактата-опровержения, составленного в соответствии с канонами полемического сочинения. В то же время, разнообразие форм изложения, особенно меняющиеся виды описания, дают основание считать Топографию ещё и развернутым историко-географическим очерком, опирающимся на традиции геродотовской историографии.

Итак, специфичное использование форм композиционного изложения в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова демонстрирует жанровую неоднородность этих произведений.

С одной стороны, очевидна внешняя природоведческая ориентация сочинений. И Иоанн Экзарх Болгарский, и Козьма Индикоплов изучают онтологическое и геофизическое строение Вселенной, проводя детальные наблюдения над интересными для них процессами и явлениями, протекающими в природе. Причем, если автор Шестоднева передает свои исследовательские выводы с помощью повествова-

тельного описания (*narratio*), то составитель Топографии прибегает к агрессивно опровергающему рассуждению (*oratio*).

С другой стороны, постоянные переходы к иной, вспомогательной форме композиционного изложения говорят о явном преследовании авторами и других, параллельных задач. Просветительно-дидактический подтекст вероучительных разъяснений в Шестодневе позволяет Иоанну оспаривать мнения оппонентов и проповедовать христианское благочестие единомышленникам. В Топографии же благодаря историко-географическим описаниям Козьма портретирует перечисляемые народности и изображает местность, на которой они проживают.

Следовательно, условно называемые «естественнонаучные» сочинения имеют значительные жанровые наслоения, в целом, традиционные для средневековой религиозно-назидательной литературы. Исследовательские трактаты «разбавлены» нравственными поучениями, полемическими выпадами и историческими экскурсами. При этом внешняя природоведческая цель памятников не требует какой-нибудь особой модели композиции. В зависимости от основополагающих задач изложение может строиться как по принципу описания (как в преимущественно экзегетическом Шестодневе), так и по принципу рассуждения (как в непримиримо полемической Топографии).

Примечания

¹ *Гукова С. Н.* Космография в системе византийской науки и образования в XI—XII вв. // *Городская культура: Средневековье и начало Нового времени* / Под ред. В. И. Рутенбурга. — Л., 1986. — С. 29.

² Об истории становления жанра, известных и малоизвестных раннехристианских Шестодневов, а также о концептуальных отличиях в подходах представителей александрийской, антиохийской и каппадокийской богословских школ см.: *Милюков В. В.* Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского — общеславянский памятник богословско-философской мысли // *Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово*. — М., 1996. — С. 20—30.

³ О времени распространения указанных сочинений в литературе Древней Руси до сих пор ведутся научные дискуссии. Об этом и о литературных особенностях каждого текста см.: *Прохоров Г. М.* Шестодневы // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. — Л., 1987. — Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). — С. 478—483.

⁴ Очевидно, по этой причине В. Милюков называет сочинение Иоанна «славянской антологией античной философии». См.: *Милюков В. В.* Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского — общеславянский памятник богословско-философской мысли // *Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово*. — М., 1996. — С. 15.

⁵ О богословских идеях, изложенных в Топографии, см.: *Григорьев А. В.* Космологические и онтологические идеи в «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова как отражение взглядов антиохийской богословской школы // *Громов М. Н., Милюков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. — СПб., 2001. — С. 904—905.

⁶ Жил в IX ст. в Константинополе и прославился тем, что собрал огромную библиотеку произведений античных и византийских писателей и мыслителей.

⁷ *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). — СПб., 2004. — С. 43.

⁸ Примечательно, что ещё столетие назад этот парадокс озадачил крупнейшего на то время специалиста по изучению данного памятника — Е. К. Редина, который, тем не менее, так и не сумел однозначно разрешить собственное недоумение. См.: *Редин Е. К.* Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. — М., 1916. — Ч. 1. — С. IX.

⁹ *Удальцова З. В.* Козьма Индикоплов и его «Христианская Топография» // Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М., 1984. — С. 467.

¹⁰ *Якунин С. Н.* Композиция Пролога. Композиция Первого Слова // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования / Отв. ред. К. М. Долгов. — М., 1991. — С. 168—188.

¹¹ *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). — СПб., 2004. — С. 28—34.

¹² *Пиккио Р.* Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; предис. В. В. Калугина, перев. с итал. П. Петрухина.* — М., 2003. — С. 495—496.

¹³ Формы выражения авторской позиции в «естественнонаучных» сочинениях исследуются в другой нашей статье, подготовленной для печати в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики». См. №1 за 2009 г.

¹⁴ *Слово пятого дня // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского.* V слово. — М., 1996. — С. 41.

¹⁵ Там же, с. 43.

¹⁶ Там же, с. 59.

¹⁷ Там же, с. 96.

¹⁸ Там же, с. 97.

¹⁹ Космологические фрагменты из «Космографии Козьмы Индикоплова» // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. — СПб., 2001. — С. 925.

²⁰ Там же, с. 912.

²¹ Там же.

²² Фрагмент текста «Христианской Топографии Козьмы Индикоплова» из рукописи архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. — СПб., 2004. — С. 194.

²³ Там же; данные топонимы описывают восточное побережье африканского материка.

²⁴ Имеется в виду Индийский океан.

²⁵ Фрагмент текста «Христианской Топографии Козьмы Индикоплова» из рукописи архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. — СПб., 2004. — С. 194—195.